ОТ ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГА К ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЕ:

семантические изменения и этапы освоения новых слов в современном русском языке

студентка II курса факультета языков
Икромова Гулсунбегим Нодирбек кизи
Научный руководитель: доц. Раджобова Замира Чингизовна
Самаркандского государственного педагогического института,
Республика Узбекистан

Аннотация. В статье рассматриваются семантические изменения слов, распространяющихся в русскоязычной интернет-коммуникации, и условия, при которых сленговая единица может выходить за пределы исходной коммуникативной среды. На материале слов «кринж», «токсик/токсичный», «хейтить», «пост» и «зашло» анализируются заимствование, метафорический перенос, расширение или специализация значения, а также грамматическая и словообразовательная адаптация. Исследование опирается на сопоставление научных публикаций по интернет-сленгу, электронного лексикографического описания и контекстуально-семантический анализ выбранных примеров. Показано, что распространение слова в социальных сетях само по себе не означает его перехода в литературную норму: необходимо учитывать устойчивость значения, разнообразие контекстов, стилистическую маркированность и характер словарной фиксации. Предлагается рабочая модель освоения интернет-лексики, не предполагающая обязательной и линейной последовательности этапов.

Ключевые слова: интернет-сленг, семантический сдвиг, неологизм, заимствование, метафоризация, словообразование, литературная норма, лексикография.

Abstract. This paper studies how words used in Russian-language Internet communication change in meaning and whether their spread implies entry into the literary norm. Five units are examined: krinzh, toksik/toksichnyi, kheitit, post, and zashlo. The analysis distinguishes borrowing, metaphorical transfer, semantic specialization, and grammatical adaptation. It draws on linguistic research and lexicographic description rather than a large statistical corpus. The main finding is that frequency, word-formation productivity, dictionary inclusion, and stylistic neutrality are separate indicators; Internet words do not necessarily follow a single path toward literary standardization.

Keywords: Internet slang, semantic shift, neologism, borrowing, metaphor, word formation, literary norm, lexicography.

Интернет-коммуникация стала одним из наиболее заметных пространств обновления современного русского языка. Социальные сети, видеоплатформы, игровые сообщества и мессенджеры обеспечивают быстрое распространение новых слов, значений и словообразовательных моделей. При этом цифровая среда не только создаёт названия для новых предметов и действий, но и меняет привычные слова: общеязыковая единица может получить специальное значение, стать средством оценки или приобрести новую экспрессивную окраску. Исследования интернет-речи фиксируют изменения на разных уровнях языковой системы и рассматривают сетевое общение как значимый материал для изучения динамики современного русского языка [1, с. 367–372].

Проблема заключается не только в появлении новых лексем, но и в определении их статуса. Одни слова быстро выходят из узких сообществ и начинают употребляться в журналистике, рекламе и повседневной речи; другие остаются привязанными к молодёжной или игровой коммуникации; третьи исчезают, не успев закрепиться. Поэтому выражение «от интернет-сленга к литературной норме» следует понимать не как заранее предрешённую

траекторию, а как исследовательский вопрос: какие языковые признаки могут свидетельствовать о расширении сферы употребления слова и какие из них ещё не дают оснований говорить о его полной нормативной нейтрализации?

Цель статьи — описать основные типы семантических изменений интернет-лексики и предложить рабочую модель её освоения в современном русском языке. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: разграничить понятия интернет-сленга, неологизма и литературной нормы; рассмотреть механизмы семантического переноса и грамматической адаптации; проанализировать несколько показательных лексических единиц; определить признаки, по которым можно осторожно оценивать движение слова от ограниченного сетевого употребления к более широкому узусу.

Элемент научной новизны работы состоит в сопоставлении нескольких механизмов изменения значения и в разграничении собственно семантического сдвига, словообразовательного освоения и нормативной кодификации. Работа носит обзорно-аналитический характер: приведённый материал не претендует на статистически репрезентативное описание всего интернет-сленга, а служит основанием для дальнейшего корпусного исследования.

Интернет-сленг, неологизм и литературная норма. Понятие «интернет-сленг» охватывает не весь язык Интернета, а преимущественно неофициальные, экспрессивные и социально маркированные единицы, функционирующие в цифровом общении. Следует различать новые слова, новые значения уже существующих слов и новые формы, образованные от заимствованной основы. Эти процессы могут сочетаться, однако не тождественны. Семантическим неологизмом в рамках данной работы считается такое употребление, при котором знакомая форма приобретает дополнительное значение, связанное с новой сферой опыта или новым способом оценки [2, с. 626–628].

Литературная норма — это не перечень неизменных слов, а общественно признанная система языковых средств и правил их использования в определённых ситуациях. Наличие слова в интернете, его высокая заметность или даже появление в публицистике не означают, что оно стало стилистически нейтральным. Важны условия употребления: уместно ли слово в официальном документе, учебном тексте, научной статье и повседневном разговоре? Поэтому нормативный статус нужно оценивать по нескольким параметрам, а не по одному показателю распространённости.

Современные исследования показывают, что сленг активно использует как заимствования, так и ресурсы русского словообразования. В сравнительном анализе интернет-сленга 2014 и 2024 годов Чжан Аньци отмечает увеличение доли заимствованных единиц и усиление роли семантической деривации при сохранении продуктивности морфологического словообразования [3, с. 38–40]. Это наблюдение позволяет рассматривать интернет-лексику не как случайный набор модных выражений, а как материал, в котором проявляются системные языковые процессы.

Материал и методы. Материалом послужили пять лексических единиц и групп: «кринж», «токсик/токсичный», «хейтить», «пост» и «зашло». Они выбраны по принципу аналитической репрезентативности: каждая демонстрирует отдельный тип изменения — освоение заимствования, метафоризацию, семантическую специализацию, образование нового цифрового значения или разговорный перенос значения. Для уточнения употребления «кринжа» использована электронная лексикографическая статья «Грамоты.ру»; для описания интернет-лексики и словообразовательной адаптации привлечены научные публикации по данной проблематике [4, с. 1–5].

Применяются описательный, контекстуально-семантический и сопоставительный методы. Анализ качественный: он не включает подсчёта

частотности в полном корпусе социальных сетей и не позволяет установить точный момент возникновения или количественный масштаб распространения каждой единицы. Примеры рассматриваются как иллюстрации механизмов, уже описанных в лингвистической литературе, а не как результат самостоятельного массового опроса.

Основные типы семантических изменений. 1. «Кринж»: от заимствованной формы к обозначению чувства и его причины

Слово «кринж» восходит к английскому cringe и закрепилось в русском неофициальном общении как существительное, называющее неловкость, стыд за другого человека либо ситуацию и поведение, вызывающие такое чувство. В лексикографическом описании «Грамоты.ру» отражены два связанных компонента: эмоциональное переживание и объект, который его вызывает [5, 34]. Тем самым слово способно обозначать как внутреннюю реакцию («испытать кринж»), так и внешнюю оценку ситуации («это кринж»). Такая двуплановость может рассматриваться как расширение семантического объёма единицы в процессе освоения.

Показателен и словообразовательный ряд: «кринжовый», «кринжово», «кринжевать» и другие производные. Их появление демонстрирует, что заимствованная основа включается в русские грамматические и словообразовательные модели. Однако продуктивность производных сама по себе не свидетельствует о нейтральности исходного слова. В современной речи «кринж» сохраняет выраженную экспрессивность и часто используется как краткая негативная оценка. В публикациях СМИ и в словарно-справочных ресурсах его представленность расширилась, но стилистическая маркированность остаётся существенным признаком [6, 65].

2. «Токсичный» и «токсик»: метафорический перенос и изменение оценки.

Слово «токсичный» не является исключительно интернет-неологизмом: в русском языке оно давно обозначает свойства токсичных веществ. В цифровой и молодёжной коммуникации его значение переносится на межличностные отношения, поведение и общение: «токсичный человек», «токсичные отношения», «токсичный комментарий». Основой переноса становится аналогия между физическим вредом и психологически неблагоприятным воздействием. Это метафоризация, при которой признак вещества переносится на социальное взаимодействие.

Субстантивированная или усечённая форма «токсик» позволяет назвать уже не качество, а человека, которому приписывается негативное воздействие. В анализе актуального интернет-сленга такая единица рассматривается среди образований, возникающих с помощью словообразовательных средств русского языка [3, с. 38–40]. Значение становится компактнее и категоричнее: вместо описания отдельного поступка говорящий может охарактеризовать человека целиком. Это повышает экспрессивность, но создаёт риск чрезмерно широкого оценочного ярлыка. Следовательно, изменение значения затрагивает не только номинацию, но и прагматику высказывания — то, какое отношение говорящий выражает к предмету речи.

3. «Хейтить»: семантическое сужение и грамматическое освоение заимствования

Глагол «хейтить» связан с английским hate («ненавидеть») и в русскоязычной интернет-коммуникации обычно обозначает не само эмоциональное состояние, а его речевое или сетевое проявление: писать оскорбительные комментарии, унижать, публично нападать на человека или его действия. В этом смысле значение получает прагматическое сужение: общая эмоция ненависти связывается с конкретной коммуникативной практикой. Исследования иноязычных лексем интернет-сленга отмечают

образование от таких основ русских глагольных и причастных форм, например, «хейтить», «хейтят», «хейтимый» [4, с. 1–2].

Грамматическое освоение заметно по включению основы в систему спряжения и словообразования. Для русского языка это не необычный механизм: заимствованная основа может присоединять русские суффиксы и функционировать в привычных синтаксических конструкциях. При этом форма остаётся стилистически ограниченной и особенно естественной в контекстах, связанных с социальными сетями, публичной оценкой и интернет-конфликтами. «Хейтить» демонстрирует, что структурная интеграция может происходить быстрее, чем стилистическая нейтрализация: слово уже ведёт себя по-русски грамматически, но не становится автоматически уместным во всех речевых ситуациях.

4. «Пост»: новое цифровое значение без обязательной сленговой окраски

Слово «пост» особенно важно для проверки линейной модели перехода от сленга к литературной норме. В русском языке существовали другие значения этой формы, однако в цифровой среде закрепилось значение публикации или записи, размещённой на интернет-платформе. Иванова и Клушина описывают это как развитие нового цифрового значения и отмечают формирование производных «постить», «репостить», «перепостить» [1, с. 375–376]. Здесь наблюдается не столько экспрессивная метафора, сколько семантическая специализация: слово начинает обозначать объект и действие, характерные для новой коммуникативной среды.

В отличие от слова «кринж», «пост» может употребляться в нейтральном профессиональном и информационном контексте: «опубликовать пост», «пост в официальном аккаунте», «удалить публикацию». Этот пример показывает, что цифровое происхождение значения не закрепляет за словом навсегда статус сленга. Когда слово регулярно используется в разных жанрах, понятно широкому кругу носителей

языка и обозначает устойчивое понятие, его стилистическая маркированность может ослабевать. Однако для каждого слова этот процесс требует самостоятельной проверки.

5. «Зашло»: разговорная метафора как средство оценки.

В выражениях типа «мне зашло» глагол «зайти» используется не в пространственном значении, а для обозначения положительного впечатления: идея, шутка, музыка или публикация оказалась приятной, интересной либо удачной для адресата. Смысл переносится из физического движения внутрь пространства в область субъективного восприятия. Значение обычно зависит от контекста, а сама форма часто служит краткой оценочной репликой. В классификациях современного интернет-сленга «зашло» приводится как пример семантической деривации — сохранения формы при появлении нового значения [2, с. 626–628].

Данный пример показывает, что интернет-коммуникация не всегда создаёт совершенно новую лексику. Часто она ускоряет распространение разговорного значения, делает его более заметным и формирует устойчивый шаблон употребления. При этом «мне зашло» уже выходит за рамки исключительно цифрового общения и может использоваться в устной речи, в том числе вне темы технологий. Такая межсредовая мобильность — важный показатель распространения, но сама по себе ещё не доказывает полной стилистической нейтрализации выражения.

От распространения к норме: рабочая модель освоения слова. Рассмотренные примеры позволяют предложить не строгую последовательность, а набор параметров, по которым можно исследовать освоение новой единицы. На начальном этапе слово может быть связано с отдельным сообществом или ситуацией. Затем его значение становится узнаваемым за пределами исходной группы; форма адаптируется к русской грамматике, образует производные и начинает встречаться в разных типах

контекста. Следующим показателем выступает семантическая устойчивость: большинство пользователей понимает слово сходным образом, хотя эмоциональная оценка и частные оттенки могут различаться. Наконец, важны лексикографическое описание и расширение жанров, в которых слово воспринимается как уместное.

Эти параметры не складываются в обязательную линейную лестницу. Слово может быть частотным, но оставаться жаргонным; может образовать ряд производных, но иметь узкую область употребления; может попасть в словарь как единица молодёжной речи, не получив нейтрального статуса. И наоборот, цифровое значение слова «пост» демонстрирует высокую функциональную востребованность и употребление в нейтральных контекстах. Поэтому необходимо различать по меньшей мере четыре характеристики: популярность, системную интеграцию, словарную фиксацию и нормативную приемлемость. Они взаимосвязаны, но ни одна из них не заменяет другие.

Такое разграничение помогает уйти от двух упрощённых оценок — представления о сленге как исключительно «порче языка» и противоположного утверждения, будто всякое модное выражение неизбежно войдёт в литературную норму. Научные исследования интернет-лексики показывают, что цифровая коммуникация активизирует как заимствование, так и внутренние ресурсы русского языка, но судьба отдельных единиц неодинакова [7, с. 162–175; 8, с. 350–362]. Языковая система принимает востребованные средства, перерабатывает их в соответствии со своими моделями и одновременно сохраняет стилистические различия.

Проведённый качественный анализ показывает, что изменение значения интернет-лексики происходит разными путями. «Кринж» демонстрирует освоение заимствования и расширение оценочного значения; «токсичный/токсик» — метафорический перенос из сферы физических

свойств в область межличностных отношений; «хейтить» — семантическое сужение и грамматическую адаптацию англоязычной основы; «пост» — закрепление специализированного цифрового значения; «зашло» — развитие переносного разговорного значения, которое используется для выражения субъективной оценки.

Главный вывод заключается в том, что движение от интернет-сленга к литературной норме нельзя определять лишь по популярности слова. Для более надёжного вывода необходимо учитывать устойчивость значения, продуктивность словообразовательного ряда, разнообразие коммуникативных сфер, стилистическую маркированность и характер лексикографической фиксации. При этом разные параметры могут развиваться неравномерно: грамматическая адаптация не обязательно сопровождается стилистической нейтрализацией, а широкое распространение не гарантирует сохранения слова в активном словаре.

Перспективой дальнейшего исследования является создание небольшого размеченного корпуса открытых русскоязычных публикаций за несколько временных срезов. Для каждой лексемы можно будет зафиксировать дату и тип источника, контекст, значение, оценочную окраску, грамматическую форму и наличие производных. Такой подход позволит перейти от иллюстративного описания к проверяемым выводам о том, какие именно интернет-слова расширяют сферу употребления, какие остаются стилистически ограниченными, а какие постепенно закрепляются в более нейтральных разновидностях современного русского языка.

Исследование имеет качественный и иллюстративный характер: оно не основано на полном корпусном подсчёте интернет-употреблений. Поэтому выводы описывают возможные механизмы семантического изменения, но не устанавливают частотность или точную хронологию распространения отдельных слов. Дальнейшая работа может включать создание размеченного

корпуса открытых русскоязычных публикаций за несколько временных срезов, фиксацию контекстов и сопоставление полученных данных с лексикографическими источниками.

Список литературы

1. Иванова М. В., Клушина Н. И. Русский язык в современном интернет-пространстве: динамические процессы и тенденции развития // Русистика. 2021. Т. 19, № 4. С. 367–382. DOI: https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-367-382.
2. Степанова И. Ж., Бохиева М. В. Семантические неологизмы языка Интернета // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 626–628. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-neologizmy-yazyka-interneta(дата обращения: 19.10.2026).
3. Чжан Аньци. Структурные изменения русского интернет-сленга // Университетский научный журнал. 2025. № 87. С. 35–43. DOI: https://doi.org/10.25807/22225064_2025_87_35.
4. Картавцева Ю. В. Деривационный потенциал иноязычных лексем интернет-сленга // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 5 (53). Электронная пагинация: 1–5. DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2024.53.14. URL: https://rulb.org/archive/5-53-2024-may/10.60797/RULB.2024.53.14(дата обращения: 19.10.2026).
5. Грамота.ру. Кринж: толкование и грамматические формы // Метасловарь. URL: https://gramota.ru/meta/krinzh(дата обращения: 19.10.2026).
6. Грамота.ру. Кринж или не кринж? Лингвистический взгляд на чувство неловкости в коммуникации // Журнал «Грамоты». URL: https://gramota.ru/journal/monologi/krinzh-ili-ne-krinzh-lingvisticheskiy-vzglyad-na-chuvstvo-nelovkosti-v-kommunikatsii(дата обращения: 19.10.2026).
7. Белецкая Е. В., Клинкова Д. А., Дудкина А. Г. Литературный язык vs интернет-сленг // Art Logos. 2024. № 3. С. 162–175. DOI: https://doi.org/10.35231/25419803_2024_3_162. URL:

https://lengu.ru/mag/art-logos/archive/139/1167(дата обращения: 19.10.2026).

8. Жданова Е. А., Рацибурская Л. В. Лексико-словообразовательные новации в русскоязычной интернет-коммуникации: продуктивные словообразовательные модели // Русистика. 2024. Т. 22, № 3. С. 350–362. DOI: https://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-350-362.